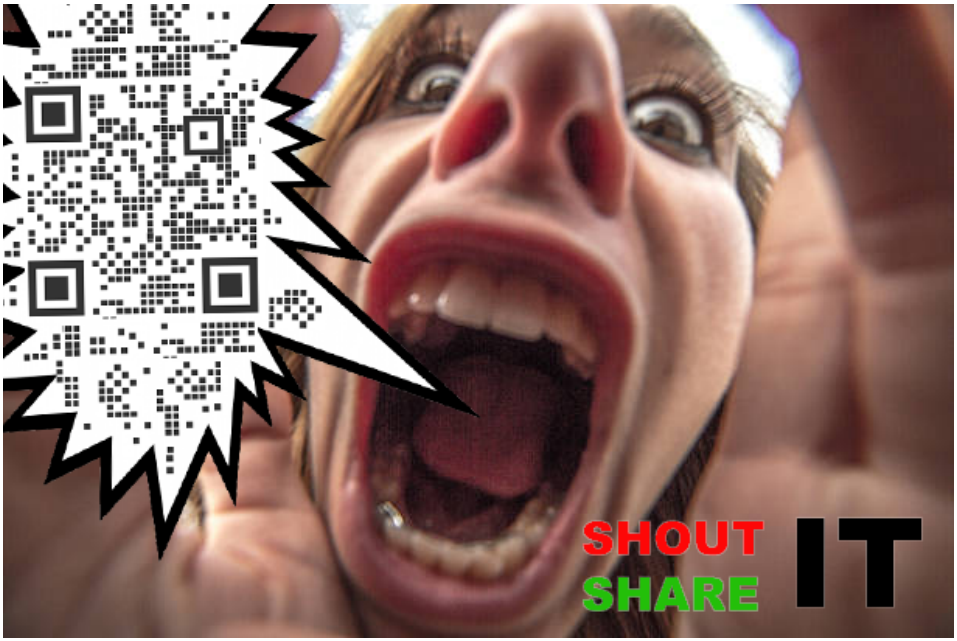
София Серебрянская

СамИздат

Бабочка-однодневка


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Бабочки-однодневки живут всего пару часов. Для человека такая жизнь — мгновение. Но для бабочки человек — значительная часть жизни.

- София Серебрянская
  - ○

София Серебрянская
БАБОЧКА-ОДНОДНЕВКА

Детектив Леон Оркотт спал и видел во сне бабочку с яркими крыльями, сидящую на заляпанном лобовом стекле старого автомобиля.

Вывески многочисленных магазинов — уже слегка пообтрепавшиеся — закрывают небо, кажется, оно поблекло и съёжилось на их фоне. В детстве всё казалось слишком большим. Дома. Машины. Люди. Они не видят перед собой ничего. Автоматы, спешащие по заданному маршруту. А он увидел. Увидел — и потянулся к яркому пятну.

Голубые крылья в тонких чёрных прожилках и чёрно-белые круги, похожие на ещё одну пару глаз. Он едва дышал тогда, боясь спугнуть красивое существо. Медленно тянул к бабочке руку, чтобы аккуратно накрыть ладонью. Она не ожидала подвоха, даже не пыталась улететь.

Хотелось взять её в руки, чтобы получше рассмотреть, со всех сторон. Показать всему миру, что ещё осталось в нём что-то красивое, что-то живое. Маленький Леон держал яркое пятнышко в ладонях, а оно не двигалось, не улетало. Кажется только, пронзительный цвет хрупких крыльев померк, осыпавшись на пальцы чёрной пылью, походящей больше на пепел — и уже почти испуганно мальчик шептал, шептал снова и снова: Лети, лети, лети…

Но бабочка не взлетела — даже тогда, когда он подкинул её в воздух, надеясь, что так она почует крыльями ветер. Она как-то нелепо, тяжело махнула крыльями — всего один раз — и шмякнулась в грязь.

— Бабочки-однодневки, такие, как эта, живут всего пару часов. Для вас такая жизнь — мгновение, но для них вы — целая жизнь.

Леон, уже не оборачиваясь, знал, кого увидит. Он не смотрел — но видел развевающиеся на ветру чёрные волосы, разноцветные раскосые глаза и холодную улыбку, словно нарисованную на бледном лице. Каким-то образом он, давным-давно исчезнувший из жизни детектива, оказался сейчас здесь — во сне, в полузабытых воспоминаниях.

Затаённое дыхание, и странное биение сердца — то ли слишком быстро, то ли чрезмерно медленно — всё осталось, почти не переменившись с детских лет. Леон смотрел на переломанные крылья мёртвой бабочки, на китайца за своей

спиной — и отчего-то думал, что чёрно-голубой шёлк до одури похож на крылья.

Кружилась в глазах, исчезая, улица, и вновь и вновь возникала под ногами палуба корабля, и прежнее чувство, когда видишь нечто, не предназначенное твоим глазам, и понимаешь не разумом — больше сердцем. Разум только мешает, и хочется скомкать его и выбросить за борт. Нет времени, нет пространства, нет ничего — и впервые понимаешь, что где-то в душе, очень глубоко, какая-то часть тебя просит остаться, остаться навсегда. Коснуться — и никогда, никогда не отпускать.

Сломанные крылья, шёлк одежды, снова — крылья. Леон отдёрнул руку, боясь дотронуться. Смешно, но, оказывается, она ещё осталась внутри — детская робость, страх навредить. Кажется, будто одеяние соткано из сотен, тысяч ещё живых бабочек, прикоснёшься — и они осыплются на землю мёртвым грузом. Не останется ничего — один только пепел.

Так глупо и ненужно сейчас звучат едва слышные слова:

— Не уходи. Хотя уйдёшь — что с того? Я всё равно тебя найду.

То ли угроза, то ли обещание. А может, и то, и другое вместе. Ди всё ещё смеялся взглядом, пусть и сохраняя при этом прежнее отстранённое выражение лица. Как же бесит чувствовать себя рядом с ним ребёнком — глупым, неловким. Не желающим принять и тысячной доли того, что сам граф воспринимал как само собой разумеющееся.

Сердце, кажется, не билось вовсе, когда Леон протянул руку к словно призрачной фигуре. Широкая ладонь замерла в считанных сантиметрах от тонкого запястья. Ди смотрел выжидающе, даже, пожалуй, с интересом — хватит ли сил сдержаться?

Одно короткое прикосновение, почти неощутимое — и отдалённый перезвон, смешанный с шелестом множества крыльев.

— Я…

Люблю тебя? Хочу быть рядом? Слов нет — и они не срываются с губ. Лишь слегка подрагивают под ладонью тонкие пальцы со слишком длинными ногтями.

Похож на ту бабочку. Такой же хрупкий. И так же быстро исчез, словно и не существовал никогда. Полгода, год — и Леон с трудом вспоминал такое знакомое лицо, боясь однажды забыть окончательно. Вся жизнь — та серая улица, где есть тени, но нет людей. И одно яркое пятно в ней, которое невозможно удержать в руках.

— Когда-нибудь я найду тебя, слышишь? Не надейся так просто отделаться.

У бабочек-однодневок нет «потом» и «после». Есть только «сейчас» — и ничего больше. «Сейчас», когда тому, кто всю жизнь считал себя храбрым, едва хватило сил шагнуть навстречу — и прикоснуться губами, и снова отпрянуть, как от огня. Не получить ответа, лишь увидеть лёгкую тень грусти в разноцветных глазах. И почувствовать, как раньше, ладонь, упирающуюся в грудь и готовую столкнуть за борт.

— Я не отпущу тебя.

— Даже если я упаду вместе с вами?..

Проснуться. И долго пялиться в потолок, словно там обнаружилось что-то, требующее внимания. Встать, всенепременно споткнуться по пути в ванную — и жадно глотать воду из-под крана, слегка жалея, что вместо водопровода не додумались изобрести пивопровод. Почти злиться на того, кто посмел приоткрыть двери в мир, куда нет хода людям — и тут же захлопнуть перед носом, оставив в памяти лишь шелест крыльев и яркое пятно на заляпанном стекле автомобиля.

Я найду тебя.

В конце концов, впереди целая жизнь — достаточный срок для поисков. Одно мгновение для ками. Целая жизнь для человека.